

УДК 331.214.4

А.В. Антонов

О «РЕЗОНАНСНОЙ» ФОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

«Резонансная» форма прибавочной стоимости является векторно-количественной характеристикой абстрактного труда. Она становится мерой целесообразности коллективно организованного труда, всякое устройство которого в трудах классиков политэкономии и у К. Маркса по умолчанию принималось как общественно необходимое. «Резонансная» форма прибавочной стоимости позволяет объяснить практику менеджмента и некоторые другие особенности капитализма в условиях интенсивной формы ведения хозяйства. В частности, она позволяет понять, каким образом эксплуатация рабочих может осуществляться даже в том случае, когда капиталист полностью оплачивает все рабочее время трудящихся.

Ключевые слова: *стоимость, прибавочная стоимость, формы стоимости, формы прибавочной стоимости, экономическая теория, социальная философия.*

Решил ли, в самом деле, К. Маркс загадку прибавочной стоимости? Те, кто считает марксизм «религией для дураков», лжеучением, придуманным для того, чтобы натравить классы общества друг на друга, не найдут в этом вопросе никакого смысла. Не найдут его и те, кто считает марксизм с его «краеугольно-каменным» [1. С. 45] учением о прибавочной стоимости неприкосновенным, отлитым из единого куска стали, из которого нельзя изъять ни одной посылки, не «падая при этом в объятия буржуазно-реакционной лжи». А между тем вопрос этот и поныне вызывает яростные споры. И лишь благодаря тому, что «...историко-философский процесс всегда направлялся более или менее осознанным стремлением к истине» [2. С. 7], можно надеяться на то, что в конце концов он будет беспристрастно разрешен...

Азбукой марксизма является положение о том, что капиталист покупает у рабочего не труд, а его рабочую силу. И эта последняя, как любой товар, имеет две формы стоимости – меновую и потребительную. Покупателя интересует потребительная стоимость товара, продавца – меновая. В результате обмена каждый из них получает то, что ему нужно. Вот и капиталист, оплатив меновую стоимость рабочей силы, получает в свое распоряжение ее потребительные свойства. А потребительные свойства рабочей силы состоят в том, что она производит стоимость в форме каких-либо потребительных стоимостей. Поэтому капиталисту остается лишь организовать их производство и заставить рабочую силу функционировать так долго, как только она сможет.

Стоимость рабочей силы измеряется количеством стоимостей, необходимых для ее воспроизводства, или суммой жизненных средств, которые требуются

© Антонов А.В., 2013

Антонов Алексей Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: akvizit@yandex.ru.

для ее поддержания в рабочем состоянии. И она меньше той суммы стоимостей, которую рабочая сила может произвести в течение оплаченного капиталистом времени ее потребления. Вот в чем состоит то великое открытие, которое совершил в экономической теории К. Маркс. В соответствии с законом стоимости обмен между рабочим и капиталистом эквивалентен. А между тем капиталист в итоге получает больше той суммы, которую он уплатил рабочему за право использования его рабочей силы. Таким образом, получается, что капиталист эксплуатирует труд рабочего.

Здесь марксистская теория заканчивается и начинаются вопросы. Первый из них: а при чем здесь эксплуатация?! Разве эксплуатация не возникает лишь тогда, когда имеется неэквивалентный обмен? Но в «Капитале» К. Маркс утверждает, что сделка между рабочим и капиталистом носит подчеркнуто рыночный характер: «...по нашему предположению все товары, – а следовательно, и рабочая сила, – продаются и покупаются по их полной стоимости» [3. С. 324].

Если все так, то получается, что именно рабочий нарушает законы рынка. Претендуя на добавочную оплату рабочей силы, он парадоксальным образом норовит эксплуатировать самого капиталиста? Почему же на эти претензии пролетария К. Маркс не «отвечает тем же, чем политическая экономия отвечает на всякую претензию цены подняться значительно выше уровня так называемой естественной цены?» Почему он не «отвечает указанием на свободу сделки» [4. С. 55]?! Ведь по его словам, «сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом» [3. С. 187].

Может быть, свобода договаривающихся сторон – это только фикция и на самом деле рабочий просто вынужден вступать в невыгодную для себя сделку?! К. Маркс дает нам понять, что именно так оно и происходит. На рынке рабочий «противостоял владельцам других товаров как владелец товара “рабочая сила”, т.е. как товаровладелец – товаровладельцу. Контракт, по которому он продал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому фиксирует, что он свободно распоряжается самим собой. По заключении же сделки оказывается, что он вовсе не был “свободным агентом”, что время, на которое ему вольно продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать...» [3. С. 310–311].

Но если сделка не была свободной, если, обладая монополией на средства производства, капиталист фактически принуждает рабочего (который гол как сокол) хвататься за любую работу, то, разумеется, К. Маркс абсолютно прав и мы действительно имеем дело с наглой и неприкрытой эксплуатацией.

Вот только что же в таком случае остается от провозглашенной эквивалентности обмена? Ведь любая монополия, в том числе и на средства производства, представляет собой отрицание рыночных законов. Стало быть, одно из двух: либо есть обмен эквивалентами, но нет эксплуатации, либо, наоборот, есть эксплуатация, но нет обмена эквивалентами. Соединить эти две крайности у К. Маркса не получается.

Это становится очевидно, если мы обратимся к рассмотрению самого понятия «рабочая сила». «Под рабочей силой, или способностью к труду, – пишет К. Маркс, – мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [3. С. 177].

Однако охарактеризованная таким образом рабочая сила имеет отношение только к физиологическим, а не экономическим явлениям. В экономическом же смысле рабочая сила, т.е. способность к труду, может быть понята лишь как потенциальный или будущий труд. Но если мы в рассуждениях К. Маркса вместо понятия «рабочая сила» подставим ее фактический синоним «будущий труд», то вопрос о прибавочной стоимости исчезнет сам собой. Да и как иначе! Если капиталист в самом деле оплатит будущий труд рабочего в полном объеме, как на этом настаивает Карл Маркс, то откуда возьмется прибавочная стоимость?!

Между тем, как пишет К. Маркс, капиталист и не собирался оплачивать рабочую силу как чистую потенциальность или возможную способность к труду. «Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при ее купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом – везде рабочий кредитует капиталиста» [3. С. 185].

Следовательно, на самом деле капиталист покупает не рабочую силу в качестве потенциальной способности к труду, а отложенный во времени сам труд. Будучи реалистом, капиталист готов оплачивать человеческую рабочую силу лишь в ее «текущем состоянии, или человеческий труд» [3. С. 60]. Это доказывается хотя бы тем, что при поступлении на работу нередко работодатели устанавливают так называемый испытательный срок.

Как видим, замена труда на рабочую силу, которая сторонниками К. Маркса признается решением загадки прибавочной стоимости, в действительности эту проблему не решает. Ее разгадкой вообще может стать лишь такой случай,

когда одновременно будут осуществляться и обмен эквивалентами, и эксплуатация рабочих. А для этого надо, чтобы капиталист оплатил все рабочее время, которое трудится на него пролетарий, и при этом умудрился еще остаться с прибавочной стоимостью. «Таковы условия проблемы. *Nic Rhodus, hic salta!*»¹ [З. С. 177], как выражался в подобных случаях сам Карл Маркс. Между тем, очевидно, что с точки зрения марксова способа решения проблемы это выглядит фантастикой.

Однако мы знаем, что во Франции с 1998 года была введена 35-часовая рабочая неделя. И если бы прибавочная стоимость на самом деле создавалась лишь неоплаченным рабочим временем пролетариата, то это неизбежно должно было привести к снижению конкурентоспособности страны. Однако этого не произошло. Франция как была, так и осталась второй экономикой в Европе, поэтому мы имеем право предположить, что могут существовать и другие формы прибавочной стоимости, непосредственно не связанные с рабочим временем.

И кажется, у нас есть возможность указать на одну из таких форм. Рассмотрим подробнее следующий случай. Некому джентльмену потребовалось поднять на 4-й этаж 200-килограммовое пианино. Сам джентльмен в одиночку на такой подвиг не способен, даже если бы очень захотел, но тут подворачивается Предприниматель, который за 800 рублей готов оказать джентльмену необходимую услугу.

Правда, самому Предпринимателю тоже не под силу в одиночку затащить пианино на 4-й этаж. Поэтому, заручившись согласием джентльмена, он, при полной свободе договаривающихся сторон, нанимает 4 безработных, которые соглашаются по 100 рублей на человека перетащить по 50 кг каждый на 4-й этаж.

После того как подъем тяжести состоялся, все участники сделки расстаются довольные друг другом, ведь каждый из них получил то, что хотел. Правда, создается впечатление, что Предприниматель в любом случае обманул: либо джентльмена, либо рабочих.

Но так ли это на самом деле? Разве рабочие не получили полностью то, что им было обещано? Поднимая пианино на 4-й этаж, каждый из них переносит не 200 кг, которые он просто не смог бы поднять, а лишь одну четвертую веса. Поэтому, по справедливости, он и получает за переноску не 200, а только 50 кг.

А что же Предприниматель? На каком основании он платит рабочим рыночную цену в 400 рублей, и те остаются довольны, а с джентльмена просит все 800? И главное, почему джентльмен соглашается заплатить эти деньги? Кажется, дело здесь просто в везении и ловкости нашего Предпринимателя. В действительности же и здесь мы имеем дело с обычным эквивалентным обменом.

Ведь дополнительные 400 рублей Предприниматель получает не за умение пустить пыль в глаза, а за незаметную «подъемную» силу, которая, собственно, и вознесла пианино наверх, – силу объединения рабочих, силу конкретной фор-

¹ «Здесь Родос, здесь и прыгай!» – слова из басни Эзопа «Хвостун», обращенные к человеку, утверждавшему, что на острове Родос он совершал огромные прыжки.

мы их кооперации. Эта сила объединения не принадлежит никому из рабочих в отдельности (потому они и не замечают ее) и вместе с тем принадлежит каждому из них.

Эту-то дополнительную общественную силу и имел в виду Предприниматель, заключая сделку. Он и не собирался красть какое-то прибавочное время. Рабочее время вообще не играет в этом примере существенной экономической роли. Хитрость Предпринимателя материализуется не во времени, а в пространстве. Ведь заключая с рабочими сделку, он предлагал им по рыночной цене поднять на 4-й этаж не часть 200-килограммового пианино, а чистые 50 кг.

А это не одно и то же. Вслед за буржуазными экономистами Маркс рассматривает капиталистическое общество в качестве атомистического: «В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические» [3. С. 102–103]. Всюду действующий совместно труд он представляет как простую сумму индивидуальных усилий. «В производстве стоимости, – пишет К. Маркс, – множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала» [3. С. 333–334].

Труд представляет собой для К. Маркса во всех случаях скалярную величину. Тогда как, будучи направленным действием, труд, несомненно, имеет и векторное измерение. А это векторное сложение сил может, и иногда действительно дает добавочную резонансную силу. Из школьного курса химии, например, мы помним, что формула молекулы кислорода выглядит как O_2 , поскольку валентность кислорода во всех случаях равняется 2. Несмотря на это, молекула озона выглядит при этом как O_3 . Кажется, что эта прибавочная «кислородность» озона представляет собой очевидное нарушение законов природы. Однако благодаря особенностям внутренних связей между атомами (три атома кислорода образуют кольцо!) удастся и закон валентности соблюсти, и обеспечить парадоксальную «кислородность» озона.

Именно так: за счет различия в способе организации рабочих образуется и «резонансная» прибавочность их труда. Речь при этом идет не об изменении качества труда или же его интенсивности, а только о качестве внешних форм организации того же самого среднеобщественного или образующего стоимость труда. Этот-то источник прибавочности труда и станут позднее использовать в практике менеджмента. Советская же экономика потому и оказалась невосприимчивой к менеджменту, что эта форма извлечения прибавочности труда никак не следовала из марксистской теории.

Векторное сложение сил в труде дает «резонансную» прибавку не в дополнительное, а в то же самое рабочее время. И эта «резонансная» сила с лихвой может окупить затраты капиталиста на полную оплату по рыночной цене рабочего времени каждого из работников. Для этого надо лишь найти подходящую формулу соединения рабочих со средствами производства и друг с другом и просчитать ее резонансные последствия. Поиском такой *предпринимательской идеи*

и занимались во все века бизнесмены. (В наши же дни такие формулы (или бизнес-модели) продаются и сдаются в аренду наподобие обычных товаров (например, в форме франчайзинга).)

Может показаться, что «резонансная» прибавочная стоимость возникает как эффект, который несет с собой любое применение кооперации и который влияет лишь на размеры относительной прибавочной стоимости. Однако это не так. «...Метод производства относительной прибавочной стоимости заключается в том, что рабочий благодаря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Прежнее рабочее время присоединяет ко всему продукту в целом все такую же стоимость, как и раньше, хотя эта оставшаяся без изменения меновая стоимость выражается теперь в большем количестве потребительных стоимостей, а потому стоимость единицы товара понижается» [3. С. 420–421]. Между тем на примере пианино мы видим, что увеличившаяся масса прибавочного труда не воплощается в большем количестве потребительных стоимостей, уменьшая стоимость единицы, а способна порождать более стоящий продукт.

Маркс рассматривает общественную силу, рождающуюся в кооперации, как естественно возникшую предпосылку капиталистического способа производства. Но «здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого процесса» [3. С. 433]. Кооперация отнюдь не входит в процесс капиталистического производства в качестве внешней силы, наподобие сил природы. Всякий капиталист сам изобретает ту или иную форму комбинации средств производства и рабочей силы. А поскольку целью капиталистического производства является получение прибавочной стоимости, постольку и сама эта конкретная форма кооперации становится формой ее извлечения.

Другое дело, что пока есть возможность получать прибавочную стоимость с помощью абсолютной и относительной форм, никто не станет создавать такую форму кооперации, которая предусматривает оплату по рыночной стоимости рабочего времени всех работающих пролетариев. Более того, там, где «ночной сторож» – государство спит, всегда будут возникать попытки извлечь прибавочную стоимость еще менее цивилизованными способами – с использованием рабского и полурабского труда, а то и с помощью элементарной взятки.

Поэтому не стоит преувеличивать роль «резонансной» формы прибавочной стоимости в практике капитализма. Однако роль ее в теории может оказаться достаточно велика.

Во-первых, «резонансная» форма прибавочной стоимости снимает с капиталистов клеймо мошенников, которые только и думают о том, как бы не заплатить трудящимся. И в то же время она не отрицает сам факт эксплуатации, как это могло бы показаться. Ведь даже в описанном случае капиталист присваивает сущностные силы рабочих. Да и сам капитал по-прежнему остается общественным отношением – присвоенной «резонансной» прибавочной силой, которая, по сути, не может принадлежать отдельному человеку.

Во-вторых, существование «резонансной» формы прибавочной стоимости по-новому решает вопрос о производительном и непроизводительном труде. Резонансный прибавочный труд может создаваться объединенными усилиями не только промышленного пролетариата. Станным образом в марксизме много говорится о торговом, финансовом и государственном капитале, но мало при этом говорится о торговом, финансовом и государственном пролетариате. А все потому, что считается, будто эти социальные группы в лучшем случае помогают промышленному пролетариату создавать прибавочную стоимость, но сами ее не создают.

Отныне на первое место выходит противостояние не капитала и пролетариата, а капитала и наемного труда. Те, кто вынужден продавать свои сущностные силы, независимо от того, умственные это силы, эмоциональные или физические, выступают сознательными или стихийными противниками капитала. А раз капиталу противостоит любой, даже высокооплачиваемый наемный труд, значит, и революционными потенциями обладают гораздо более широкие слои населения. Во всяком случае сегодня Уолл-стрит штурмует не «пролетариат фабричных труб», а именно те, кто с точки зрения ортодоксального марксизма должен был бы его защищать...

В-третьих, как раньше без «Капитала» К. Маркса капиталисты знали о существовании абсолютной и относительной форм прибавочной стоимости, так и сейчас для них не составляет секрета существование «резонансной» формы прибавочной стоимости. В первую очередь это доказывается распространением в наши дни так называемого аутсорсинга, суть которого состоит в передаче части выполняемых бизнес-процессов сторонним организациям. Обычно в качестве экономического обоснования аутсорсинга называют эффект от того, что узкие специалисты могут выполнять привычные услуги лучше. Однако в этом доводе немало лукавства, поскольку и раньше никто не стал бы держать в штате фирмы неспециалистов, а преданность интересам организации легко уравнивает эту разницу. Более существенным обстоятельством выглядит то, что представители сторонних организаций уже не могут претендовать на зарплату подлинных членов коллектива, создающих прибавочную «резонансную» стоимость, а вынуждены будут ограничиться лишь атомизированной рыночной зарплатой.

В ряде финансовых учреждений страны наблюдается явление, если можно так выразиться, «внутреннего аутсорсинга», когда работники разделяются на представителей производительного и непроизводительного труда с соответствующей разницей в зарплате. При этом, разумеется, в число производителей входит и руководство всех мастей. Если бы по этой логике существовали профессиональные футбольные клубы, то зарплату там получали бы одни нападающие...

В-четвертых, «резонансная» форма прибавочной стоимости делает очевидным то, что знания, о которых так много говорят теоретики постиндустриального общества, вовсе не так универсальны, как деньги. Знания, которые являются производительными (поскольку участвуют в производстве резонансной формы

стоимости) при одной форме кооперации, могут быть совершенно бесполезными в рамках реализации другой бизнес-идеи.

В-пятых, в экономической теории господствует мнение, что капитал является одним из основных факторов, производящих прибавочную стоимость. Можно сказать, во многом потому, что «резонансная» форма прибавочной стоимости внешним образом как раз и выступает как производительная сила самого капитала. «Как независимые личности, – пишет К. Маркс, – рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. Как кооперирующиеся между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, они сами представляют собой лишь особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала» [3. С. 344–345].

В действительности капитал выступает здесь в роли детонатора, но не самого взрывчатого вещества. «Резонансная» прибавочная сила в равной степени принадлежит каждому из участников трудового процесса как равнодействующая их усилий.

Список литературы

1. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 23.
2. Орлов В.В. XXI век и проблема научности философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2010. – Вып. 1 (1). – С. 4–13.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1, кн. I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2.

Получено 26.09.12

A.V. Antonov

ABOUT “RESONANCE” FORM OF SURPLUS VALUE

“Resonant” form of surplus value is a vector- quantity feature of abstract labour. It became the measure of reasonability of jointly organized labour, the establishment of which accepted as socially essential both in the works of political economy classics and in the works of K. Marx. “Resonant” form of surplus value allows explaining the practice of management and some other features of capitalism in the conditions of intensive form of methods of management. In particular, it enables to understand how the workers exploitation could be carried out even in the case of the capitalist’s full payment of all the labour time.

Keywords: *value, surplus value, forms of value, forms of surplus value, economics, social philosophy.*